

РЕЦЕНЗИИ

М.А. ФЕЛЬДМАН

Уральская академия
государственной службы

КЕН О.Н. МОБИЛИЗАЦИОННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ (КОНЕЦ 20 – СЕРЕДИНА 1930-х годов). СПб.: Изд-во Европейского университета, 2002. – 472 с.

Тема военного строительства в России (развития армии, военной промышленности) со времени Петра традиционно привлекает отечественных и западных историков. В самом деле, жизнь армии, ее нужды и запросы во многом определяли функционирование всех областей жизни. Если выход в 1996 г. книги Н.С. Симонова «Военно-промышленный комплекс СССР в 20 – 50-е годы», позволил уяснить основные этапы реконструкции военно-промышленного комплекса в СССР, то появление в 2002 г. монографии О.Н. Кена детальнейшим образом раскрывает эволюцию мобилизационного строительства: путь от замыслов военного руководства до составления докладных записок руководству СССР; от вариантов программ вооружений до их реализации.

Обоснована ремарка автора на с. 13, о том, что недостатки книги, определяемые характером использованных источников, могут обернуться некоторыми достоинствами. О.Н. Кен опирается на внушительный комплекс архивных источников, не вводимых прежде в научный оборот. Назовем, например, систематическое обследование таких серийных источников, как протоколы Реввоенсовета СССР, Сектора обороны Госплана СССР и др. Среди архивных материалов присутствуют не только документы обобщающего характера, но и множество черновых набросков, составленных представителями военной и экономической элит. Подробное внимание автора к нюансам, мельчайшим деталям дискуссий по вопросам эволюции военной политики, обусловило появление научного труда, в котором даны взвешенные оценки и ориентиры пути оборонного планирования и конкретного военного строительства Красной армии. Излишняя детализация имеет место, но от главы к главе нарастает как уровень аргументации, применительно к отдельным конкретно-историческим сюжетам, так и интерес читателя, вникнувшего в конструкцию рассуждений и доказательств автора. Не случайно, девятая (последняя) глава может быть названа образцом блестящей научной литературы: глубина выводов сочетается с точностью формулировок.

Доминирование партийного руководства в вопросах военного строительства было безоговорочным и О.Н. Кен приводит немало случаев подтверждающих это утверждение. Характерна, например, история с запрещением выступления наркома обороны К.Е. Ворошилова на VI съезде Советов в 1931 г. (с.193). Многозначительна ремарка автора о Сталине-инициаторе провалившейся программы военно-морского строительства на 1932 –1935 гг. (с. 256). В этой

связи заслуживает внимания и требует дальнейшей разработки мысль О.Н. Кена о нарастании внутреннего напряжения и конфликтов в военном руководстве в 1936 г. в силу целого ряда структурных диспропорций в военных приготовлениях СССР. Конфликты, объективно носившие политический характер, не вписывались в сталинскую систему субординации. Большевицкая система власти не вмещала разрастающийся в ней военный организм и вылилась в большой террор, заключает автор (с.351).

Заслугой петербургского историка следует считать фундированное обоснование вывода об отсутствии реальной, непосредственной и масштабной угрозы СССР со времени его образования и до конца 30-х годов (с. 306, 325). Только к середине 30-х гг., приходит к выводу О.Н.Кен, определилась прямая зависимость военно-мобилизационного планирования от перемен во внешнеполитическом положении СССР. Ни вторжение Японии в Северный Китай, ни беспрецедентное улучшение отношений СССР с западными соседними государствами и Францией в конце 1931 -- 1932 гг. не вызвали существенных новаций в процессе постановки и реализации общих задач подготовки к будущей войне (с. 305 -- 306). Отсутствовала и прямая связь между обострением внешнеполитических событий в конце 20-х гг. (знаменитыми «военными тревогами») и планами строительства вооруженных сил (с. 304). Замечание о новом слове в науке может быть дежурной фразой, но в данном случае – речь идет о масштабном научном открытии. Все мои дальнейшие замечания не меняют высказанную оценку.

О.Н. Кен обоснованно отмечает, что утверждение о параллельности принятия пятилетних планов народного хозяйства и планов строительства Красной армии, является неверным (с.19). Автор вводит в научный оборот документ, определяющий осень 1927 г., как рубеж "периода по подготовки экономики страны к войне " (с.22). Об этом же говорит и приведенная записка начальника штаба РККА М.Н.Тухачевского, стержнем которой, стал тезис о примате немедленного перевооружения и накопления мобилизационных запасов РККА над расширением экономического базиса мобилизации (с.24). Судя по содержанию текста на с. 22– 24, О.Н.Кен не опровергает такое убеждение. Признаемся, такая постановка вопроса в приведенных документах отвечала и моим представлениям, в том числе, собственным исследованиям документов Сектора Обороны Госплана. Но сам же О.Н.Кен убедительно показал: подобные проекты не нашли поддержки у руководства СССР. Принятый летом 1928 г. план строительства вооруженных сил на первый период пятилетки, динамика военно-экономических усилий в 1928-1930 гг. не дают серьезных оснований для определения осени 1927 г. как рубежа периода по подготовки экономики страны к войне (с. 25, 26, 153, 300).

Вернувшись к указанной теме, в пятой главе, О.Н. Кен, отмечает, что о повороте в мобилизационном планировании и военном строительстве, следует говорить с осени 1930 г., подчеркивая, что после полутора лет напряженных дискуссий в военном и политическом руководстве, был утвержден план развертывания армии военного времени в течение 2-3 лет (с.160). К 1934 г. СССР располагал сильнейшей армией в Европе, возродив практику накопления вооружений и содержания многочисленной армии в мирный период, столь характерную для царской России (с.263, 301). Автор присоединяется к существующим в литературе оценкам о том, что массовое производство и

накопление запасов вооружений в мирное время обернулось проблемой их физического и морального устаревания уже к концу 30-х гг. (с. 335).

Но кто же был инициатором форсирования милитаризации экономики? Материал первой – восьмой главы указывает на М.Н. Тухачевского и его окружение. Характерно замечание на с.123.: «напористые усилия Тухачевского по повороту военной политики в сторону форсированной реконструкции РККА оказались к лету 1930 г. небезуспешны». Однако в девятой главе акценты расставлены уже иначе: автор справедливо указывает на сходство военно-стратегических подходов дореволюционного и советского руководства, стержнем которых был имперский эгоцентризм. Так в 1910 – 1914 гг. Генеральный штаб исходил из возможности противоборства России со всеми своими соседями (с. 331). В 1933 г. штаб РККА основные задачи армии определял так: вести борьбу с любой коалицией мировых капиталистических держав и нанести армиям этих держав поражение (с.248 – 249). Такая постановка задач обрекала СССР на военно-техническое соревнование с остальным миром и, в силу своей несбыточности и перманентного характера, стала залогом хаотичности и несбалансированности развития военных производств и мобилизационной подготовки промышленности в целом (с.237). Что же касается линии руководителей РККА, весь диапазон споров определялся идеологическими доктринами ВКП(б), в частности, курсом на «перманентную гражданскую войну» (с. 320).

Мы подошли к главным, на наш взгляд, недостаткам работы О.Н. Кена. Сконцентрировав теоретические выводы в одной главе (девятой), автор обеднил содержание остальных глав, основанных во многом на эмпирической обработке архивных материалов. Так, утверждение о бесспорном приоритете М.Н. Тухачевского в деле ускоренной милитаризации страны не выдерживает критики, когда внимательный к деталям автор указывает на сходство взглядов двух ведущих «старых» генштабистов Свечина и Шапошникова, как с взглядами М.Н. Тухачевского, так и с позицией дореволюционного военного ведомства (с.332). Вскользь в монографии упомянут опыт первой мировой войны, когда объектом мобилизационного планирования стали не только вооруженные силы и военная промышленность, но и практически все области народной жизни (с.10). В этом заключается методический просчет исследователя.

Методический просчет повлек и ошибки методологического характера. В исторической литературе хорошо известны факты, раскрывающие курс государства (начиная с петровской эпохи), на создание самой мощной в мире армии и самого мощного флота. Два столетия такого военного строительства, в сочетании с доминантой внешней политики – объединением всех православных под рукой Москвы – выковали определенные приоритеты, стиль мышления, кадры. Идеология советской эпохи частично трансформировала вековые традиции, частично приспособилась к ним. Не один М.Н. Тухачевский, а большая часть советской элиты воспроизвела имперские программы дореволюционной России. Метания Сталина между осуждением программ ускоренной милитаризации и их одобрением прекратились к 1930 г. (с.161), с завершением становления системы идеологических постулатов «большого скачка» (с.113). Такой переход не только избавил М.Н.Тухачевского от расправы уже в 1930 г. (с. 131), но и позволил ему, другим руководителям армии, рассматривать самые фантастические планы ми-

литаризации страны, вроде увеличения в 1933 – 1938 гг. мощностей по производству танков с 11 тыс. до 40 тыс., а самолетов с 10,4 тыс. до 32 тыс. (с.239).

Обоснованное осуждение мобилизационных программ, оторванных от возможностей и потребностей СССР, вытеснило такой сюжет, как характеристику достигнутого в военном строительстве к концу 30-х гг. В результате, как мне представляется, материал прекрасно составленных таблиц в приложениях, например, таблицы 4-а и 4-г, оказывается мало задействованным в основном тексте. Аргументировано отрицая прямую увязку народнохозяйственных и военных планов, О.Н.Кен фактически ушел от проблемы их взаимодействия. Но сюжеты длительного поиска вариантов первого пятилетнего плана и неоднократной смены военно-мобилизационных доктрин в 1927 – 1929 гг., так же как и выработка в 1930 г. окончательных параметров народно-хозяйственной и военной программ, все-таки лежат в одной плоскости: эти документы принимали завершающий вид в узкой группе партийного руководства. Одни и те же люди, определяли цели, выработывали политические границы принимаемых решений, следили за их исполнением, судили о просчетах и за просчеты. История повторялась, и невенчанный монарх, в конечном счете, замкнул на себе решение сложнейших задач XX века. Наши замечания могут показаться резкими, только в том случае, если рецензируемая монография представляет собой завершение программы исследований. Но кредо, обозначенное автором на с.5 – рассмотрение проблемы, как комплекса многосторонних отношений и взаимозависимостей – предполагает иной ответ: перед нами завершение только одного из этапов исследовательской деятельности.